

СРПСКИ ИНСТИТУТ ЗА БУДУЋИ ЈЕЗИК
Л. Бр. 2817/4
П. Бр. 2744

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

таб. 3 1/2

ПОВРЕМЕНИ СПИС
ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. БЕЛИЋ

УЗ

СТАЛНУ САРАДЊУ

г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у
Љубљани, К. ЊИЧА, проф. Унив. у Кракову, Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у
Београду, М. РЕШЕТАРА, проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив.
у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф.
Унив. у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Београду, ФР. ИЛЕШИЋА,
проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВИЋА, проф. Унив. у Љубљани и Х. БАРИЋА,
проф. Унив. у Београду.

Ова је књига дигресијом припремана.
КНИГА IV.

Подвлачио речи Св. Марковљ

Исписивао речи 2. Јашић

Листићи проверени и сређени по реду текста.

Број листића: 119 - 9 = 110

Београд, 26-III - 1949 год.

Евидентичар

Милан Бајевић

БЕОГРАД, 1924.

3. Этимологія слова „книга“.

Въ послѣднемъ номерѣ изданія Финноугорскаго Общества (*Mémoires LII*) напечатана статья извѣстнаго финскаго слависта Миккола о происхожденіи слова „книга“. Опровергая свой прежній взглядъ, согласно которому это слово восходитъ къ формѣ съ *in*, Миккола возстановливаетъ на основаніи южнославянскихъ словъ праформу *kъnjiga*, которая восходитъ къ первоначальной *kuñuga*.

Мордовское *koñov* предполагаетъ также основную форму **kuñug-*, тогда какъ мадыарское *könyv* имѣетъ болѣе древнюю форму *kenyű*, которая въ свою очередь восходитъ къ **keñei* и **keñey*. Миккола не находитъ удовлетворительнаго объясненія для этого варианта основной формы слова, но, несмотря на это, не считаетъ возможнымъ приписывать мадыарскому слову иное происхожденіе, нежели мордовскому. Наконецъ, отъ той же группы нельзя отдѣлить осетинскія названія книги: в.-ос. *čjñig*, *činjg*, зап.-ос. *kiunuga*. По мнѣнію Микколы, нужно исходить изъ западно-осетинскаго *kiunuga* (*kyunuga*). Эта форма не можетъ объясняться, какъ заимствованіе русскаго слова, такъ какъ такое заимствованіе должно бы было произойти въ древнее время, а русскія слова въ осетинскомъ языкѣ появляются, по мнѣнію Микколы, только послѣ присоединенія Осетіи къ Россіи, т. е. послѣ 1810 г. На основаніи различныхъ данныхъ изъ исторіи осетинскаго языка Миккола приходитъ къ убѣжденію, что осетинскія слова древняго происхожденія. „Такимъ образомъ — говоритъ онъ — если славянскія и мордовскія слова стоятъ въ непосредственной связи съ осет., то слѣдуетъ предположить древнюю метатезу слова съ *ju*. Такія перестановки не чужды осетинскому языку, но доказать, что она имѣла мѣсто въ настоящемъ случаѣ, нѣтъ возможности. Хотя осетинскій языкъ не даетъ объясненія вопроса о происхожденіи интересующихъ насъ славянскихъ, мордовскаго и мадыарскаго словъ, однако онъ даетъ намъ еще одну древнюю форму, прибавляя ее къ числу уже извѣстныхъ формъ одного и того же древнѣйшаго культурнаго слова, странствованія котораго можно прослѣдить въ Малой Азіи, кавказскихъ стоянкахъ и къ сѣверу отъ Чернаго Моря. Высказывалось предположеніе, что и тюрки заимствовали это слово отъ славянъ, мордовъ или мадыаръ. Я могъ бы спросить, на какомъ основаніи? Можно-ли привести это слово изъ какого-нибудь тюркскаго языка?“

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, проф. Миккола оставляетъ вопросъ о первоначальномъ источникѣ группы словъ, означающихъ одинъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ предметовъ человѣчества, необъясненнымъ. Такихъ словъ не мало, и въ этой области предстоитъ еще интереснѣйшія открытія. Слово стоитъ въ связи съ древнѣйшимъ распространеніемъ письменъ среди человѣчества, а это распространеніе должно быть относимо ко временамъ, столь древнимъ, о которыхъ говорятъ новѣйшія изслѣдованія въ области ассиро-вавилонской культуры. Нѣтъ возможности отдѣлять эту группу техническихъ названій отъ ассирійскаго *kunukku* „печать“. Едва-ли можно искать происхожденіе этого слова на другой почвѣ, кромѣ почвы древнѣйшей культуры человѣчества. Но самое заимствованіе изъ источника, намъ непосредственно неизвѣстнаго, ограничивается группой восточно-европейскихъ словъ. Такія слова имѣются. Къ нимъ должны быть относимы названія голубя въ осетинскомъ, литовскомъ и мордовскомъ языкахъ (лит. *balandis*, см. Thomsen, Beröringer . . .). Сюда же относится слово топоръ (о немъ писалъ Куникъ въ „Каспін“ Дорна), названія мѣди въ зырянскомъ, осетинскомъ и финскомъ языкахъ и др. Произвести въ этомъ направленіи изысканія въ связи съ новыми поразительными открытіями въ области малоазійскихъ культуръ и открытіемъ новыхъ языковъ (тохарійскаго, особенно) представляетъ многообъясняющую задачу.

Что касается спеціально отношенія между русскими и осетинскими словами, то я позволю себѣ отмѣтить, что русско-осетинскія отношенія относятся къ старому времени. Не говоря уже о томъ, что осетины находятся въ ближайшемъ родствѣ съ древними сарматами, я напомнимъ, что ясы русскихъ лѣтописей были хорошо извѣстны русскому народу. Ихъ пастбища заходили когда-то далеко на нашъ сѣверъ. Около Бѣлгорода Курской губ. вытекаетъ рѣка Ворскла, древнее названіе которой есть Върскъла. Это — *Vors-kvla*, что объясняется изъ осетинскихъ словъ: *vors* (бѣлый) и *kvla* (потокъ). Тамъ же протекаетъ рѣка Хороль, что объясняется осетинскими словами: *hor* (пастбище) и *ol* (постпоз. — на, по), такъ что названіе рѣки означаетъ: рѣка, протекающая по пастбищамъ.

Я не рѣшаюсь предлагать своего объясненія слова *книга*, но я полагаю, что осетинское слово или могло быть заимствовано изъ древне-русскаго, или быть одновременно съ нимъ заимствовано изъ одного источника. Если и мадьярское слово, восходящее къ той же праформѣ, было заимствовано въ то же время, то это

могло быть только до конца 9 вѣка по Р. Х. Въ это время мадьяры были сосѣдями осетинъ на сѣверномъ Кавказѣ, въ степной полосѣ. Это была въ ту пору область вліянія хазарской культуры, а хазары въ свою очередь находились въ живомъ культурномъ и торговомъ обмѣнѣ съ арабами. Наконецъ, сами арабы были подчинены сильному иранскому культурному вліянію. Всѣ эти данныя заводятъ насъ опять таки на востокъ, къ древнимъ азіатскимъ культурамъ. Если бы мы знали языкъ гунновъ, принесшихъ съ Далекаго Востока отраженія восточно-азиатскихъ культуръ, а также языки аваръ и многочисленныхъ тюркскихъ народовъ, устремившихся на южнорусскія равнины послѣ гунновъ, то, вѣроятно, ключъ къ загадкѣ былъ бы найденъ. Теперь же, — можно сказать, навѣрное, — онъ утерянъ навсегда.

А. Погодинъ.

4. Trojezični rečnik Gregorija Vidali.¹

Priobčuje Miroslav Premrou.

Pri svojih studijah v rimskem arhivu veroplodničinega zbora (s. Congregatio de Propaganda fide) sem naletel na dva dokumenta, ki jih niže priobčujem, s to-le vsebino:

I. Oktobra meseca g. 1628. se je obrnil Gregorij Vidali, svečenik Hvarski (Dalmacija), do papeža,² da mu omogoči obelodaniti tiskom njegov rečnik, potem ko je že 5. septembra predložil veroplodničnemu zboru v Rimu svoj „Dizionario delle tre lingue overo esplicatione della lingua latina in quanti modi si possi fare con la lingua illirica, et taliano con la declinatione di nomi et verbi“, to je „Rečnik treh jezikov ali razlaganje latinskega jezika v kolikor oblikah se može zvršiti z ilirskim jezikom, in italijanski z deklinacijo imen i glagolov“. Piše dalje isti Vidali, da mu je veroplodnica naložila, da dodaj i

¹ O njem nima nič: a) Gliubich S. v Dizionario biografico degli uomini illustri nella Dalmazia. Vienna. 1856. — b) Vodnik Branko: Povijest hrvatske književnosti. Zagreb. 1913. I. — c) Šafařík P. I.: Gesch. der illirischen u. kroatischen Literatur. Prag. 1865, in takisto ne I. V. Jagić v ruski pisani knjigi: Enciklopedija slavjanskoj filologiji. St. Peterburg. 1910.

² Urban VIII. od 6. VIII. 1623 — 29. VII. 1644.